

Услышав, как открылась дверь, Инь Яньцзюнь немного поспешно снял с вешалки длинное одеяние и аккуратно надел его, хотя рука, завязывавшая пояс, едва заметно дрожала.

Развязный молодой господин про себя щёлкнул языком. Наставник Дао и впрямь походил сейчас на юную девицу, которую дразнит на улице распутный щёголь, — такая красивая.

Инь Яньцзюнь привёл в порядок одежду и спокойно поднял взгляд к двери. Молодой господин, полулежа облокотившись на дверной косяк, глядел в сторону, глаза его слегка блестели, погружённые в раздумья.

Кончики ушей Инь Яньцзюня чуть покраснели. Он мог лишь притвориться спокойным, и в его взгляде мелькнула слабая улыбка.

— Молодой господин снова встал рано.

Наставник Дао уже восседал за письменным столом, выведывая кистью строки священных текстов. Его спина оставалась прямой, он сидел, как сосна, тянущаяся к небу, — и Сюй Яньцин, вечно сутулящийся лежебока, захотел было показать большой палец в знак глубочайшего восхищения.

Он неспешно вошёл в комнату Наставника Сюаньчэня. Раньше это была спальня его старшего брата. После того как брат покинул деревню семьи Сюй, комната стояла пустой. Теперь, окинув взглядом обстановку, он заметил, что кроме книг и одежды Наставника, здесь почти ничего не изменилось — всё так же пусто, даже немного уныло.

Молодой господин снова щёлкнул языком. Вся комната такая же холодная и отчуждённая, как и её хозяин. Иногда он даже задумывался: а не подражает ли Наставник Дао отшельникам из храмов, живущим в строгом воздержании, несмотря на то что сам был императором?

— Наставник, как всегда, прилежен, — проговорил Сюй Яньцин, подойдя к столу и присев рядом. Он наклонился к Наставнику Сюаньчэню, чтобы взглянуть на исписанные мелким почерком страницы. Достаточно было пары взглядов, чтобы у него закружилась голова. Всё как и ожидалось: для солёной рыбки это были пустые каракули.

Однако молодой господин-лентяй всё же умел ценить красоту. Подперев щеку рукой, он безучастно произнёс:

— У Наставника и вправду прекрасный почерк.

Каллиграфия Наставника Сюаньчэня и впрямь была выше всяких похвал: изящная, плавная, но в то же время наполненная силой — как крепкий бамбук, она передавала особое достоинство и спокойствие самого Наставника. Одним словом, её было приятно созерцать.

В конце концов, почерк самого Сюй Яньцина был лишь чуть лучше собачьих царапин, так что, увидев такую красоту, он не мог не выразить восхищения.

— Почерк молодого господина и правда требует усердной практики, — заметил Инь Яньцзюнь, вспомнив вычурные письма от его семьи и невольно поддразнив его.

Сюй Яньцин задумался: выходит, опасения маркиза Иня насчёт него были не так уж беспочвенны. Разве он не развратил наставника? Теперь Наставник Дао всё искуснее поддевал словами... хотя страдал от этого всегда он сам. Солёная рыбка решил: раз уж так, остаётся лечь на дно и покорно терпеть насмешки — ведь заниматься каллиграфией он точно не

собирался.

Он лениво взял со стола кисть и чернила и начал что-то чертить на чистом листе бумаги. Инь Яньцзюнь с усмешкой продолжил дописывать недописанную сутру.

Особых талантов в рисовании у солёной рыбки не было: даже простую карикатуру он мог извратить до неузнаваемости. В итоге на свет появилось нечто, смутно напоминающее древнюю абстракцию.

То ли вдохновившись, то ли просто от скуки, молодой господин взял ещё один лист бумаги, снова обмакнул кисть в чернила и продолжил мазать. К тому времени как Инь Яньцзюнь закончил свою сутру, на столе уже лежало семь или восемь "шедевров" молодого господина.

Инь Яньцзюнь взял один, нахмурился — он никак не мог понять, что же нарисовал молодой господин. Пока он гадал, тот нетерпеливо наклонился поближе:

— Смотри, похож ли этот пухлый человечек на него?

— Это А Нин? — Инь Яньцзюнь по нескольким корявым линиям понял, что это человечек, но, пожалуйста, простите его зрение — он никак не мог догадаться, какого именно пухлого идола имел в виду молодой господин.

Молодой господин заморгал и ткнул в два тёмных круга на рисунке:

— Это глаза у счастливого талисмана, огромные.

Инь Яньцзюнь кивнул, нехотя соглашаясь с тем, что два чёрных круга действительно могут быть глазами.

Сюй Яньцин затем указал на дугу на животе человечка:

— А эта линия — его выпуклый животик. Разве не пухлый идол?

Хотя Инь Яньцзюнь и был озадачен, он всё же снисходительно кивнул:

— Если смотреть с этой стороны, рисунок действительно получился выразительным.

В конце концов, молодой господин уловил суть пухлого идола.

Он взял следующий лист, бегло посмотрел и снова не смог догадаться, кто изображён — ведь он никогда не видел человека, у которого глаза буквально метали бы искры.

— Это Молодой маркиз Инь. У него ужасный характер, всё время придирается. Разве он не похож на большое пламя? — Сюй Яньцин щёлкнул языком, поясняя.

Инь Яньцзюнь не смог сдержать лёгкую улыбку. Юаньчэн считался в столице утончённым и мягким юношей, но стоило ему встретиться с молодым господином, как он и впрямь становился раздражительным. Если смотреть на рисунок под таким углом, то, правда, вышло весьма правдоподобно.

Затем Инь Яньцзюнь взял ещё один лист. На этот раз он не стал ждать пояснений, а с лёгкой неуверенностью предположил:

— А этот... молодой господин нарисовал меня?

Стиль всё тот же — простые, небрежные линии. Но на этот раз Инь Яньцзюнь, казалось, уловил суть манеры рисования молодого господина.

Тот гордо кивнул:

— Ну как? Похоже ведь, правда?

И действительно — похоже. Горизонтальная черта символизировала его непроницаемое выражение лица, две едва заметные серые полосы обозначали бороду, а чёрная клякса наверху головы явно изображала пучок волос.

Молодой господин в короткое время нарисовал много картинок: Му Ю, присевший на корточки и кормящий кур, Вэнь Цзин, наливающий чай, тётя Ли, моющая овощи, тётя Чжао, варящая суп, и Ци Чэнь, катающий пилюли из лекарственных трав...

Инь Яньцзюнь поднял взгляд и спросил:

— А почему молодой господин не нарисовал себя?

— Нарисовал! — Сюй Яньцин вытащил из кучи листов рисунок с Наставником Сюаньчэнем и указал на несколько кривых линий. — Вот он — я.

Молниевидная линия изображала шезлонг, а две линии, соединённые в замкнутый контур на его поверхности, напоминали рыбу. Да, это и была солёная рыбка собственной персоной, уютно устроившаяся в шезлонге.

Самовосприятие молодого господина и впрямь отличалось завидной ясностью.

Наставник Сюаньчэнь ничего не понял, но и говорить ничего не стал.

Тётю Ли сегодня вызвали на помощь, и она тоже взяла выходной. Завтрак готовила тётя Чжао — она позвала их из двора:

— Идёмте есть!

Инь Яньцзюнь подошёл к молодому господину и помог ему подняться:

— Вчера вечером ты говорил, что хочешь пельменей в бульоне. Тётя Чжао встала рано, чтобы их приготовить.

Чем дальше шла беременность, тем сильнее менялись вкусы Сюй Яньцина. Сегодня хотелось чего-то лёгкого, завтра — чего-то понасыщеннее. Утром — паровые булочки и лепёшки, к обеду — суп или кости.

Иногда солёной рыбке казалось, что он уж слишком капризничает и доставляет одни хлопоты тётю Чжао. Но та каждый раз его утешала — мол, при беременности так и должно быть, и не стоит ни о чём переживать.

И с этими словами все его мелкие, беспричинные волнения вмиг испарялись.

Пельмени с мясом и сельдереем были нежными и скользкими. Тётя Чжао ещё и кунжутного масла сверху подлила — аромат стал ещё аппетитнее.

Молодой господин ел с большим удовольствием: опустошил две большие миски и всё ещё хотел

добавки. Но Ци Чэнь, сославшись на необходимость соблюдать умеренность, тут же утащил последнюю порцию.

Солёная рыбка вздохнул: всё верно, Ци Чэнь становился всё назойливее. Как только эта проказливая фасолинка вылезет на свет, он непременно заставит тётю Чжао наварить целый таз пельменей, сам свяжет Ци Чэня, посадит перед собой и будет есть у него на глазах, пока тот не начнёт пускать слюни и жалобно ныть.

Ци Чэнь вдруг ощутил пробежавший по спине холодок, но, поедая ароматные пельмени, не обратил на это никакого внимания. Всё остальное может подождать — сейчас главное еда.

—

Дом Сюй Лина был украшен фонарями и красным шёлком, а во дворе сновали туда-сюда люди.

Почти все жители деревни семьи Сюй состояли в родстве хотя бы через одно колено, а семья деревенского старосты пользовалась доброй славой, так что дяди и тётушки, не занятые делами, сами вызвались помочь.

После завтрака тётя Чжао прибрала на кухне и взяла с собой нескольких охранников, чтобы встречать гостей. Хотя двор у Сюй Лина был немаленький, всех пришедших он вместить не мог — народ толпился и снаружи.

Занятый делами Сюй Чуань издали заметил Наставника Сюаньчэня в его длинном одеянии и идущего рядом молодого господина Сюй, одетого довольно свободно. Он поспешил навстречу:

— А Цин, Наставник Сюаньчэнь, добро пожаловать!

Сюй Яньцин потряс в руке кошельком с деньгами и, с улыбкой в глазах, обратился к Сюй Чуаню:

— Брат Чуань, давай сначала отнесём наш подарок!

— Хорошо-хорошо-хорошо! — обрадовался тот и поспешно повёл Сюй Яньцина и Инь Яньцзюня к месту приёма подарков.

Возле столика собралась толпа, но, завидев молодого господина, сопровождаемого самим Сюй Чуанем и похожим на небожителя Наставником Сюаньчэнем, люди тут же расступились, уступая им дорогу.

Сюй Яньцин невольно повеселел. Как и ожидалось — император всё-таки отличается от прочих: его величественная и неприступная внешность давала преимущество даже в очереди. Солёная рыбка мысленно выразил полное удовлетворение: протиснулся без очереди — день удался.

— Второй сын семьи Сюй преподносит десять лянов серебра, Наставник Сюаньчэнь — пять лянов серебра! — глашатай, записывавший подарки, с изумлением глядел на стоящих перед ним двоих. Насколько ему было известно, вся приданая сумма для невесты семьи Сюй Лин составляла всего двадцать пять лянов. А тут только от этих двоих сразу пятнадцать! Он и не думал, что родня у Сюй Лина такая щедрая.

— А Цин, не слишком ли ты щедр? — даже Сюй Чуань не сдержался. Он знал, что семья А Цина богата, но разбрасываться деньгами всё же не стоило — особенно когда тот

восстанавливался в деревне, где было немало расходов.

Сюй Яньцин расплылся в улыбке:

— Брат Чуань, не волнуйся. Считай, что это от лица отца с матерью. Когда напишу домой письмо, попрошу отца вернуть мне эту сумму потихоньку из его записки.

Людей было много, и Сюй Чуань, опасаясь, что суэта навредит здоровью Сюй Яньцина, поспешно отвёл их в отдельную комнату. Там хранились подарки от гостей. Сам он был занят снаружи, поэтому устроил Сюй Яньцина и Инь Яньцзюня в комнате, велел принести чай, а вдобавок — угощения и фрукты.

Инь Яньцзюнь сделал глоток чая и слегка нахмурился:

— Молодой господин, хотите пить? Принести из кухни горячей воды?

Сюй Яньцин покачал головой. Снаружи было шумно, но в комнате — тихо. Он бездумно схватил пригоршню семечек и начал щёлкать их с увлечением. Он давно не ел семечки, и теперь, попробовав снова, ощутил, насколько это затягивает.

Прошло немного времени — а на столе уже лежала целая кучка шелухи. Инь Яньцзюню было слегка забавно на это смотреть, но он всё же несколько раз напомнил молодому господину не переусердствовать, затем взял чайный сервиз и отправился на кухню — попросить у тётки Чжао кипятку.

Он не задержался — беспокоился, что молодой господин может остаться один в шумной обстановке. Дал тётке Чжао необходимые указания и сразу вернулся.

А Сюй Яньцин всё так же щёлкал семечки. От скуки он разложил шелуху по столу и попытался выложить из неё картинку.

Учитывая, что его способности к рисованию и без того оставляли желать лучшего, из семечек он собрал нечто и вовсе невообразимое. В конце концов, с натяжкой можно было распознать в получившейся композиции пухлую птичку без крыла и без ноги.

До возвращения Инь Яньцзюня в комнату вошли несколько старушек, неся в руках праздничные одеяла и подушки. Болтая между собой, они не сразу заметили, что за столом сидит молодой господин, сосредоточенно возящийся с шелухой.

Когда он внезапно выпрямился, старушки аж вздрогнули от неожиданности. Увидев, что перед ними сидит такой воспитанный молодой человек, да ещё и с внешностью незаурядной, они, особо не стесняясь, окружили его и принялись расспрашивать:

— А чей это родственничек? Такой пригожий!

— Точно-точно! Молодой господин, чего это вы тут сидите? Пошли бы на улицу погуляли, не скучно ли вам здесь?

— Угощайтесь, молодой господин! Свадебные конфеты — сладкие-сладкие!

Молодого господина окружила стайка бабушек. От неожиданности он на мгновение растерялся. Не успел он и оглянуться, как обе руки уже были заняты сладостями.

Оказавшись в осаде, он лишь натянул на лицо приветливую улыбку и, собравшись с силами,

стал спокойно беседовать с этими по-своему добродушными женщинами:

— Я дальний родственник старосты деревни. Жениха называю «братом».

— Со здоровьем у меня с детства слабовато, вот брат Чуань и испугался, что в толпе меня заденут, поэтому и оставил здесь.

— Болезнь есть, но ничего серьёзного. Просто нужно немного покоя и тишины для восстановления.

—

Когда Инь Яньцзюнь вернулся с кухни, то увидел, что молодой господин, ещё недавно увлечённый щелканьем семечек, теперь сидел посреди кучки старушек и бойко с ними беседовал.

Все эти бабушки были женщинами в возрасте, а в таком возрасте особенно по душе послушные и вежливые молодые люди. Так что разговаривали они с молодым господином весьма откровенно и с охотой.

Наконец, когда до начала свадебного застолья оставалось совсем немного, Сюй Яньцина и Инь Яньцзюня с энтузиазмом потащили с собой старушки.

— Молодой господин, садитесь с нами. За мужским столом они только и будут пить, есть толком не станут.

— Верно-верно! Молодой господин, вы ведь слабый, да ещё больны, лучше держаться подальше от выпивки. Хорошая еда куда полезнее.

— Наш стол подальше от сцены, тут поспокойнее. Когда невесту приведут, фейерверки начнут палить — только не испугайтесь!

Пока они разговаривали, снаружи грохнули петарды, загремели гонги и барабаны. Паланкит с невестой вернулся.

Всё вокруг тут же оживилось, шум поднялся, слова уже почти не было слышно. Увидев, как молодой господин слегка поморщился, будто не вынося шума, Инь Яньцзюнь поднял руку и бережно прикрыл ему уши.

Сюй Яньцину показалось, будто он целиком оказался в объятиях Наставника Сюаньчэня. Ни запаха гари от фейерверков, ни оглушающего грохота — только лёгкий, прохладный аромат, исходящий от Наставника, наполнял его грудь, а в ушах — тишина.

Старушки за столом, увидев это, дружно заулыбались: такой заботливый брат! Пусть и монах, но какой же он достойный молодой человек.

А тем временем со двора повалил народ: и мужчины, и женщины, и стар, и млад. Все выстроились по обе стороны, аплодируя, когда жених и невеста, держа в руках красную шёлковую ленту с цветами, неспешно вошли во двор.

На лице Сюй Лина сияло счастье, а невеста, прикрывшаяся веером, смущённо опустила глаза.

Родителей Сюй Лина усадили на почётные места, а новобрачные встали перед залом. Кто-то снаружи возгласил:

- Первый поклон — Небу и Земле!
- Второй поклон — уважаемым старшим!
- Муж и жена — поклон друг другу!
- Обряд завершён, в брачный покой!

Толпа снова разразилась весёлым смехом, а двое стариков, сидевшие на возвышении, сияли от счастья.

По обычаю деревни семьи Сюй свадебное застолье начинали в полдень. После того как жениха с невестой проводили в брачный покой, грохот петард, бой барабанов и звон гонгов возобновились, а со сцены заиграла ещё более весёлая музыка.

- К столу! — раздался громкий крик.

Мужчины и женщины понесли подносы с угощением — холодными и горячими блюдами, и вскоре столы были уже уставлены яствами.

Старушки за столом знали, что молодой господин слаб, и едва еда появилась, как тут же начали подбадривать Наставника Сюаньчэня:

- Наставник, накладывайте младшему брату!

Сначала Сюй Яньцин немного смутился, но со временем растерянность прошла, и он спокойно принял заботу Наставника, не испытывая неловкости.

Когда Сюй Чуань подошёл подать блюда, он увидел Сюя Яньцина и Наставника Сюаньчэня среди стайки бабушек — и не смог сдержать смех:

- Мы с тётёй Чжао только хотели поискать для вас хорошие места, а вы и без нас всё устроили!

- Чуаньцзы, иди, иди, мы сами за младшеньким присмотрим! — с великодушной уверенностью заверили его старушки.

Во время застолья молодой господин, напившись воды после щелканья семечек, ощутил, что пора бы в туалет.

- Я провожу молодого господина, — сказал Инь Яньцзюнь, слегка тревожась.

Солёная рыбка замер в растерянности: ему теперь и в туалет ходить с Наставником надо? Он что, стал детсадовцем? В итоге он с твёрдой решимостью отклонил предложение сопровождения.

Сельские туалеты, конечно, не шли ни в какое сравнение со столичными. Молодой господин, зажав нос, выбрал самый чистый из возможных, быстро справился с делом — и так же быстро выскочил.

И всё равно ему казалось, будто запах до сих пор прилип к нему. Поэтому он решил пройтись медленно, чтобы проветриться. И тут неожиданно столкнулся с девушкой, подвернувшей ногу. Та вскрикнула и полетела прямо на Сюя Яньцина.

В панике он ухватил её за талию — к счастью, не задел живот.

Когда девушка устояла на ногах, он тут же оттолкнул её и потёр запястье — то ощутимо занемело.

Девушка покраснела от смущения и тихо поблагодарила молодого господина.

Сюй Яньцин, не имея никакого опыта общения с девушками, только отмахнулся и поспешно ушёл.

А девушка всё ещё стояла, провожая его взглядом. В её глазах промелькнуло стеснение — и едва уловимый блеск чего-то неопределённого.

Молодой господин вымыл руки у кухни и только потом вернулся к столу. Инь Яньцзюнь нахмурился:

— Почему так долго? Я уже хотел идти искать вас.

Сюй Яньцин покачал головой. Ни про туалет, ни про девушку рассказывать в тот момент точно не стоило. Он просто уставился в свою миску:

— А это ещё что?..

Он ушёл всего на несколько минут, а миска перед ним уже превратилась в маленькую горку еды.

— Молодой господин, скорее ешьте! Это всё ваш старший брат для вас отложил, — радостно напомнили ему старушки.

Сюй Яньцин не удержался от смеха. Наверняка это они и уговорили Наставника положить ему всего понемногу. Он улыбнулся, и на его нежном лице расцвело лёгкое, тёплое выражение.

Под заботой и опекой старших молодой господин в полной мере насладился банкетом. К счастью, Наставник Сюаньчэнь следил за ним, не давая переедать.

Когда пришло время возвращаться домой, Наставник Сюаньчэнь помог молодому господину подняться. Оба шли неторопливо, тихо переговариваясь, и со стороны казались очень гармоничной парой.

А дома тем временем никто не сидел без дела. Становилось всё жарче, и Вэнь Цзин отправился в город — шить летнюю одежду для Его Величества и молодого господина. Заодно заказал пару вещей и для юного доктора Ци — чтобы никому не было обидно.

В тот момент все трое были заняты разбором одежды. Подняв глаза, они увидели, как Наставник Сюаньчэнь ведёт молодого господина домой.

Ци Чэнь не сдержался и рассмеялся:

— Молодой господин, вы прямо как беременная, которая вот-вот родит!

Затем покачал головой и добавил:

— Нет-нет, молодой господин, вы должны одной рукой за талию держаться — вот тогда будет совсем похоже.

Сюй Яньцин злобно сверлил Ци Чэня взглядом, полным желания испепелить этого болтуна на месте.

Тем временем Му Ю, обеспокоенный, подбежал:

— Молодой господин, что случилось?

Но тот с невозмутимым видом ответил:

— Этот молодой господин слишком любим старшими... так что я объелся.

— А?.. — Му Ю остолбенел. Всего-то от переедания?

— Хахахаха! — Ци Чэнь расхохотался ещё громче и самодовольнее. Но, увидев взгляд молодого господина, полный «убийственной ярости», благоразумно прикусил язык и поспешил на кухню — заваривать отвар для пищеварения.

Сюй Яньцин немного прошёлся по двору, выпил чай для пищеварения, а затем устроился в шезлонге. Поглаживая свой живот, он с тяжёлым вздохом пожаловался:

— Быть слишком популярным — это тоже, знаешь ли, испытание!

Поздно вечером, когда тётушка Чжао вернулась из дома Сюя Лина, она принесла с собой полную корзину свежих овощей — всё оставшееся с праздничного застолья. Мать Сюя Лина сама велела тётушке взять еду с собой.

Узнав, что молодой господин объелся на свадьбе, она только посмеялась и, недолго думая, вечером приготовила для него простую лапшу с курицей.

После дня, полного жирных и наваристых блюд, Сюй Яньцин вдруг почувствовал, что самая обыкновенная куриная лапша — это и есть настоящее блаженство.

А тем временем в доме Сюя Лина, после вечернего застолья для всех, кто помогал в течение дня, в брачном покое невеста болтала с девушкой.

— Что, правда? Один взгляд — и ты уже потеряла голову? — с улыбкой подтрунивала невеста.

Девушка, сидевшая на табуретке, вся залилась краской, но всё же отважно вымолвила сквозь смущение:

— Сестричка, ты... ты просто спроси у зятя, из какой семьи этот молодой человек.

Невеста засмеялась, протянула руку и легонько щёлкнула девушку по лбу:

— Ладно-ладно, не переживай. Ради счастья своей сестры я всё выясню, обещаю.

От этих слов девушка и засмушалась, и рассердилась, схватила руку невесты, закапризничала, а потом, не выдержав поддразниваний, с писком выскочила из брачного покоя.

Когда вечернее застолье подошло к концу, Сюй Лин, пошатываясь, вернулся в комнату. Увидев его, невеста быстро прикрылась веером.

Сюй Лин тут же приблизился, начал приставать без всякого стыда. Невеста зарделась, откинула веер — а он, полный восхищения, не выдержал и подхватил её на руки, повалив на

постель.

—

Позже, когда свечи в комнате всё ещё горели, а невеста, зевая, лежала на груди у Сюя Лина, она вдруг вспомнила просьбу кузины:

— Скажи, а у вас в семье есть ещё какой-нибудь молодой человек, который был на сегодняшнем празднике?

— Молодой человек? — Сюй Лин сначала не понял, о ком речь. Народу-то сегодня было много.

Невеста улыбнулась:

— Яо Яо днём кого-то встретила, говорит — красивый, как картинка! Знаешь же, моя сестричка с детства гордая, на мужчин и не смотрит. А тут — увидела одного и прямо душу потеряла!

Сюй Лин расхохотался:

— Ну, значит, вкус у твоей сестры хороший. Наверняка это был А Цин.

— А Цин? — невеста слегка нахмурилась.

Такого выдающегося человека муж ни разу ей не упоминал...

<http://bllate.org/book/12638/1120946>